

ҮРКҮН: СМЫСЛ ТРАГЕДИИ 1916 ГОДА В КОНТЕКСТЕ БОЛЬ- ШОГО ВРЕМЕНИ

Введение

Восстание 1916 года – одна из самых крупных трагедий в истории кыргызского народа. По крайней мере, в последние три века кыргызы не знали столь губительного периода, не стояли на грани исчезновения, как это произошло в 1916 году. По некоторым источникам, в тот год погибло две трети нации.

В народе восстание 1916 года получило название *ҮРКҮН*. Глагол “*үрк*” означает испуганно шарахаться, стремглав, безоглядно бежать от опасности. Он обычно используется в сочетаниях “*мал үрктү*”, “*кой үрктү*”, “*жылкы үрктү*” – скот испуганно бросился бежать, овцы шарахнулись, кони понеслись в испуге. Уже в XI веке Махмуд Кашгарский зафиксировал выражение “*будун үрктү*” (будун - эл) (1,21). Выражение “*эл үрктү*” характеризует ситуацию, когда срабатывает инстинкт самосохранения, подавляющий все остальное и, прежде всего, разум. *Үркүн* – это “переполох, сумятица, смятение, массовое беспорядочное бегство” (2, с.774). Это название придумано не историками и вообще не посторонними наблюдателями. Оно, вероятно, возникло уже в тот самый “*акыр заман*” (“конец света”), каковым стал шестнадцатый год. *Үркүн* – на редкость точное определение народным сознанием того, что с ним происходило: испугавшись за себя, свое будущее, кыргызы панически бежали от опасности. Так что же это было – с высоты более 80 лет, прошедших с того времени?

Беглый взгляд: социально-исторический аспект

Социально-исторический аспект *Үркүн* на сегодняшний день довольно подробно описан, хотя до сей поры многие первоисточники и исследования не доступны. Работы в этом направлении начались уже в первое десятилетие восстания (см 3). Несколько факторов: сама близость этого события во времени (десять, пятнадцать лет спустя); то, что почти все писавшие тогда об *Үркүн* были его очевидцами; нахождение в едином с Россией государстве – все это накладывало свой отпечаток на тогдашнюю трактовку события. Позднее, с ужесточением тоталитарного режима, тема перешла в разряд запретных и уже только в конце 80-х годов 20 века об *Үркүн* снова заговорили. В 1986 году было публичное знаменование 60-летия этого крупнейшего исторического события.

В общем социально-исторические причины восстания известны. Политика царского правительства вкупе с внутренней разобщенностью и ростом социального сознания среди кыргызов создавали высокое напряжение в обществе. Царская Россия по отношению к Кыргызстану вела типично колонизаторскую политику, скажем, такую, какую проводили в Индии Англия или Франция в Африке. Мир на определенном этапе своего развития перешел на такие отношения, когда технически развитые державы покоряли слабые страны и использовали их в своих интересах. Разумеется, и Россия преследовала на

территории кыргызов исключительно свои интересы и решала свои задачи. Переселение определенной части крестьян из России в Кыргызстан, отход лучших земель переселенцам, вытеснение местных жителей на малопригодные для жилья территории, внедрение российской системы правления – все это признаки колонизаторской политики. Навязывание незнакомых форм жизни, ограничения в привычном, задевание национальных чувств, относящихся, как известно, к наиболее уязвимым, – все это последствия колонизации.

Царский указ о мобилизации всех трудоспособных кыргызских мужчин на тыловые работы стал, по мнению большинства исследователей, своего рода спусковым крючком к кровавым событиям 1916 года. Указ задевал инстинктивную сферу.

Главное место в жизни кыргызов, испокон веков ведших кочевой образ жизни, принадлежало мужчине. В кыргызской культуре отсутствие в семье мальчика было несчастьем. 50-летний Жакып горевал: *“Тукуму жок өтөм деп, Туяксыз кандай кетем деп...”*. Позже кыргызам был ниспослан Манас. Несколько веков спустя, уже в двадцатом веке реальный акын Жеңижок повторил плач Жакыпа: *“Балам жок”*. Можно не сомневаться, все кыргызы, жившие между Жакыпом и Жеңижоком и не имевшие сыновей, повторили эти горькие слова. Больше того, когда в роде ждали мальчика-наследника (дастан *“Жаңыл Мырза”*), а родилась девочка, ее воспитали как мальчика и получили достойную замену (правда, породив при этом другую печаль). Мужчина – продолжатель рода, центр семьи и племени, защитник отечества. В некотором смысле мужчина все равно, что кыргыз. Указ бил по святому, забирая полноценных мужчин, обескровливая нацию. Начались, вероятно, конкретные меры по реализации этого указа. В той напряженной обстановке это подавило разум и мощно пробудило инстинкты. В результате, *эл үрктү* – народ обратился в безумное паническое бегство.

Степени приближения к вопросу.

“Дело осложняется тем, что любое историческое явление – войну, издание закона, сооружение памятника или республики и т.д. – следует рассматривать в нескольких степенях приближения, причем сопоставление этих степеней дает, на первый взгляд, противоречивые результаты” (5, 51), – писал выдающийся исследователь Л.Н.Гумилев. Напомним традиционные оппозиции, в которых *Үркүн* рассматривается в историко-социальном плане: колонизаторы – туземцы; в национальном аспекте: русские – кыргызы; в общественном ключе: сильная – слабая цивилизация. “Приближение”, или тот взгляд на *Үркүн*, что будет изложен ниже, базируется на существенно другой оппозиции: кыргызы – кыргызы, иначе: **слабая цивилизация – сильная культура**.

Слова цивилизация и культура часто используются как синонимы, что и справедливо: в них много общего (5, с. 108-110). Однако мы относимся к тем, кто эти понятия различает. Нас привлекает точка зрения Фр. Гизо, который считал, что цивилизация состоит из двух элементов: некоторого уровня социального развития и уровня развития интеллектуального начала. Культура же в данной статье понимается как область духовных исканий и обретений, а шире, по-юнговски, – как образ мысли. Так вот, с точки зрения цивилизации, кыргызы к началу двадцатого века были определенно отсталым народом. В составе России они продолжали вести кочевой образ жизни. Различные их

племена, поглощенные самим процессом жизни, не имевшие наклонностей – и пока необходимости – к политической и интеллектуальной рефлексии, как бы выпали из мировой цивилизации, знавшей к тому времени телефон, телеграф, самолеты, борьбу политических партий и т.д.

Дисбаланс сильная культура – слабая цивилизация

Не будучи цивилизованными, кыргызы обладали глубокой и самобытной культурой. Эта культура строилась и вращалась вокруг человека, говоря научным языком, культура кыргызоа - антропоцентрична. Знаменательно, что все эпические сказания кыргызов, включая великий героический эпос «Манас», названы именами людей: «Кожожаш», «Курманбек», «Олжобай менен Кишимжан», «Саринжи-Бөкөй» и др. Назвав один из своих дастанов именем главной героини Жаңыл Мырза, кыргызы зафиксировали появление нового типа женщины: лидера, предводителя (Мырзы). Однако, двойная семантика первого слова: *жаңыл-жаңылануу* - обновление и *жаңылуу* - заблуждение, ошибка в сочетании с Мырзой рождает противоречивый смысл: обновленная женщина – заблудшая женщина. Стыжение двух едва ли не противоречивых понятий в одно слово не случайно, и произошло это отнюдь не по бедности языка – это мини-фрагмент кыргызской философии человека. Эта философия признает, что потенциально в человеке дремлют разные наклонности. Человек, как существо развивающееся, на неведомом ему пути может совершать и совершает ошибки. Породив феномен Жаңыл Мырзы, кыргызы в сущности обдумывали фундаментальный вопрос о взаимосвязи пола и характера, пола и судьбы. Творцы дастана, безусловно, гордились своей героиней, волею не зависящих от нее обстоятельств занявшей место мужчины в обществе и сумевшей ему достойно соответствовать. Но они же подвели героиню к трагическому концу, заострив тем самым вопрос о пределах и обязанностях, диктуемых человеку его полом. Один лишь этот факт может подтвердить мысль Юнга о том, что Восток давно уже поставил вопросы, над которыми Запад только начинает задумываться.

Повторимся, культура кыргызов была сосредоточена на человеке, на его личностных, социальных, гендерных характеристиках. То, что рядом с Манасом, ведущим суровую борьбу с китайцами за независимость и честь кыргызов, находился китаец Алмамбет, - факт уникальной значимости. Способность Манаса принять человека из враждебного стана как друга и всю дальнейшую жизнь верить ему, преодолевая сопротивление сородичей, - еще одно важнейшее звено кыргызского образа мысли. Примеров, доказывающих, что кыргызы создали глубокую, не теряющую свою значимость в веках культуру, можно привести неисчислимое множество. Но здесь мы хотим подчеркнуть другой аспект, а именно - дисбаланс сильной культуры и слабой цивилизации. В контексте событий начала 20-века этот дисбаланс сделал кыргызский народ весьма уязвимым.

Есть бесписьменные туземные племена 20 века, которые сохранили традиционную культуру в традиционных условиях жизни. “Их принципиальное отличие от технически развитых цивилизаций не в том, что они не развивались, а в том, что история их развития не сопровождалась кумуляцией изобретений, но ориентировалась на сохранение изначальных способов установления связи с природой” (6, с.9).

Кыргызы не могли развиваться по такому пути в силу геополитического значения территории, которая принадлежала им. По исторической судьбе кыргызы не могли продолжить традиционный образ жизни, не могли избежать столкновения с развитыми цивилизациями, не могли оставаться вне магистрали прогресса двадцатого века. Не Россия, то какая-то другая держава отстаивала бы здесь свои интересы. В силу объективных обстоятельств прогресс означал для кыргызов развитие цивилизации.

В излагаемой “системе приближений” **Уркун** – важнейший рубеж этнического развития. Это – трагический итог неразвитости политического сознания. И одновременно – это исторический момент, когда нация проверялась на жизнеспособность, когда испытывалась ее способность соответствовать требованиям времени. Исторически, может быть, был путь менее страшный, но эзотерически (по внутренней логике этнического развития) кыргызы вряд ли могли избежать **Уркуна**. Нация должна была подойти к “*акыр заман*”, чтобы восточное мирозерцание по принципу круговорота - нет начала и нет конца - осложнилась западными антитезами: есть начало и есть конец.

Заключение: *Уркун* - силовой механизм истории?

В 1916 году кыргызский народ оказался на грани исчезновения, заглянул в лицо Бездн-Смерти. Пребывание в столь экстремальной ситуации не могло пройти бесследно. В **Уркуне**, вероятно, были расшатаны многие этнические стереотипы мышления и поведения. (Последнее особенно хорошо запечатлено в поэме Ысака Шайбекова “Кайран эл”). Зажатые в горах между двумя могучими силами (царская армия – китайские пограничники), на краю гибели, кыргызы вынужденно обретали новое знание. Так, парадоксальным образом, **Уркун** предопределил скачок в сознании кыргызов, явился трагическим условием роста нации. Возможно, северные кыргызы быстрее восприняли революционные изменения, потому что прошли через ад 1916 года и острее чувствовали ценность самой жизни? Вряд ли случайно и то, что почти вся литература революционного времени вышла из **Уркуна**: Касым Тыныстанов, Аалы Токомбаев, Мукай Элебаев, Жусуп Турусбеков, Касымалы Баялинов, Тугельбай Сыдыкбеков и многие-многие другие. В частности, редкую зрелость прозы Мукай Элебаева можно, кроме всего другого, объяснить тем огромным внутренним опытом, который писатель обрел в годы **Уркуна**. В суровых горных условиях, когда, с одной стороны наседали казачьи отряды, с другой китайцы не пускали беглецов на свою землю, сражаясь за жизнь, кыргызы сражались не только с русскими и китайцами, но и с самими собой прежними. В катастрофе преодолевали свое традиционное представление о мире. И тогда **Уркун** осознается как силовой механизм истории, который выводил жизнеспособный народ на другой виток бытия.

А.Тойнби, выдающийся исследователь цивилизаций и культур, писал, что человек достигает цивилизации “в ответ на вызов в ситуации особой трудности, воодушевляющей его на беспрецедентное до сих пор усилие” (4, с.189). В соответствии с этой идеей Тойнби развил теорию “достоинства несчастий”. Концепция Тойнби связана с идеей о благотворности страданий. Эта мысль так древна и распространена, что ее можно отнести к числу архетипических. Во многих древних культурах, в том числе кыргызской, один из обязательных ритуалов - инициация. Ритуал инициации как испытания, знаменующего переход человека из одного состояния в другое, построен в основе своей на страданиях.

“Благотворны страдания, ими растем”, - гласит индийская пословица. “Нет худа без добра”, - говорят русские. “Жаман айтпай, жакшы жок”, - считают кыргызы.

Социальная жизнь движется и меняется ценой человеческой трагедии. Неизмеримые страдания **Үркүн**, гибель десятков тысяч кыргызов преподает отчетливый урок: в социуме инстинкты должны быть подконтрольны. В “ситуациях особой трудности” бежать некуда – нужно меняться. Возможно, в аде **Үркүн** происходило духовное превращение. Может быть, **Үркүн**, как факт этнического развития, был инициацией, т.е. моментом перехода народа из одной исторической формы в другую, соответствующую требованиям начала 20 века.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. **Чороев Т.** *Диван лугат ат-турк Махмуда Кашигарского как источник по истории тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии. Ориенталистика в Киргизии.* – Фрунзе-1987
2. **Юдахин К.К.** *Кыргызско-русский словарь.* – М.-1965
3. **Үркүн.** – Бишкек.-1993
4. **Гумилев Л.Н.** *Этногенез и биосфера Земли.* – М.-1994
5. **Гуревич П.С.** *Философия культуры.* – М.- 1995
6. **Леви-Строс К.** *Первобытное мышление.* – М.-1994